

**ЛЮБЕРЕЦКИЕ УЛИЧНЫЕ
МОЛОДЕЖНЫЕ КОМПАНИИ 1980-х ГОДОВ:
СУБКУЛЬТУРА НА ПЕРЕПУТЬЕ ИСТОРИИ**

В 1980-х годах советское общество потрясли колоссальные социальные изменения: первая часть десятилетия была ознаменована кризисом социалистической системы, вторая прошла под знаком "перестройки". Хронологическими рамками кризисных 1980-х годов ограничивается и история молодежной субкультуры *люберов* (ед.ч. *любер*, мн.ч. *люберá*), которая и является темой нашей статьи. В самом начале 1980-х годов субкультура представляла собой разрозненные уличные компании молодежи, проживающей в подмосковном г. Люберцы и Люберецком р-не; к 1986–1987 гг. эти компании приняли размеры молодежного движения, известного на всей территории Советского Союза. Взлет субкультуры (как и ее скорое исчезновение к концу 1980-х) был обусловлен изменением культурно-исторической ситуации, социальными процессами, происходившими в советском обществе в те годы. В истории уличных молодежных сообществ Люберец отобразается история молодежи эпохи заката СССР.

Статья написана на основе интервью с 32 очевидцами рассматриваемых событий (10 из них в той или иной степени лично участвовали в деятельности субкультуры *люберов*), а также на основе публицистических текстов 1986–1991 гг. В качестве сравнительного материала были использованы более 20 интервью, касающихся деятельности молодежных уличных компаний в разных городах Советского Союза (1960–1980-е годы).

Возникновение, развитие и исчезновение субкультуры *люберов* рассматривается с точки зрения социологической теории мобилизации ресурсов (*Jenkins* 1983).

История рассматриваемого нами сообщества подразделяется на несколько этапов. **Этап первый: до апреля 1982 г.** Проанализировав более двух десятков интервью с выходцами из разных регионов Советского Союза, мы пришли к выводу, что в доперестроечные десятилетия на всей территории СССР деятельность уличных подростково-молодежных групп имела множество типичных черт. Это были группы ровесников, возникавшие по месту жительства (учебы, работы, тренировок); они взаимодействовали между собой, часто конфликтуя. Интересующие нас группы объединяли представителей старшего подросткового (14–15 лет), младшего юношеского (15–17 лет) и старшего юношеского (17–21 лет) возрастов (*Петровский* 1990: 56–60)¹. Активная деятельность в подобных группах в большинстве случаев заканчивалась с уходом в армию; отслужившие если и продолжали участвовать в уличных компаниях, то имели уже другой, более высокий статус. Сходство уличных компаний заключалось в их формировании, иерархии статусов, выборе мест для тусовок и драк, мотивации и закономерностей развертывания конфликтов и примирения, регламентации использования оружия, подбора одесжды, выработки имиджа, формирования "кодекса чести", ритуалов начала драки, распределения ролей в ней и т.д. В гендерном отношении уличные компании были преимущественно мужскими; девушки если и были вхожи в тусовку, то, как правило, не участвовали в экстремальных групповых практиках: драках, криминальной деятельности и т.д.

Дмитрий Вячеславович Громов – кандидат психологических наук, докторант Института этнологии и антропологии РАН.

Не являлись исключением и Люберцы; местные подростки и юноши были типичными представителями своего времени и своей страны. К концу 1970-х годов люберецкая уличная молодежь оказалась разделена на территориальные группы, конфликтующие между собой. Однако в самом начале 1980-х годов межгрупповые конфликты прекратились – произошли интеграция и сплочение уличной молодежи в единую люберецкую общность. По мнению некоторых информантов, примирение было актом доброй воли конфликтующих групп: "Вопросы разрешили мирно, и уже не дрались; сказали: чего уж нам делить" (информант Ш.А.). Однако в действительности интеграционный процесс был обусловлен объективными причинами, мобилизацией ряда ресурсов.

Первый организационный ресурс возникновения субкультуры – вовлечение разрозненных групп в совместную деятельность, а именно увлечение подростков и юношей *культуризмом* (атлетической гимнастикой). В Люберцком р-не мода на занятия культуризмом существовала традиционно; на протяжении 1980-х годов она неуклонно усиливалась, привлекая в спортивные ряды широкие массы молодежи. Как мы увидим далее, именно силовые виды спорта во многом определили субкультурные реалии.

Основным локусом существования субкультуры стали "качалки" – подвалы, специально оборудованные для занятий культуризмом. Первая из них (ул. Мира, 7а) возникла в 1968 г. (К.А.). Как правило, качалки организовывались и оборудовались на энтузиазме самих юношей; помощь официальных организаций (ЖЭКи, предприятия, спортивные секции и др.) была вспомогательной. Возникновению и деятельности субкультуры "качков" способствовали такие организационные и материальные ресурсы, как советские традиции массового спорта (кстати, всплеск интереса к спорту наблюдался во время подготовки и проведения московской Олимпиады 1980 г.), общественная установка на развитие активного досуга, мощная спартаковская база и секция "Олимпийского резерва" по тяжелой атлетике, находившиеся в Люберцах, помощь предприятий и частных лиц (родственники и знакомые, работавшие на этих предприятиях). Снаряжение и оборудование частично изготавливались на заказ, частично воровались в школах и на тех же предприятиях (покупать молодым людям было не на что и негде). Не помешали развитию культуризма даже периодические гонения на этот вид спорта (СС1 1969; СС2 1969 и др.).

С самого начала в субкультуре сформировались две группы, условно обозначаемые нами как "спортсмены" и "хулиганы". Первые всерьез занимались спортом, стремились к высоким результатам и при этом зачастую и не интересовались уличной жизнью. Вторые воспринимали спорт только как престижное времяпрепровождение: "Они грушу повесили, подкачаются, туда-сюда, и едут куда-нибудь в Москву кого-нибудь побить" (К.А.). "Спортсмены" при кажущейся отстраненности от жизни улицы оказывали сильнейшее влияние на уличные массы – они были авторитетами и символами субкультуры, придавая деятельности уличной молодежи "высокий" смысл. Примечательно, что с точки зрения силы и физического совершенства (как субкультурных ценностей) оценивались и уличные лидеры, выдвигавшиеся юношами из своей среды: описывая того или иного лидера, наши информанты отмечали прежде всего его силу ("у него бицуха была – вот такая!". – И.Э.; "у него была бешеная растяжка, он мог подпрыгнуть и ногой лампочку выбить с плафона". – А.Е.), а затем уже личные и организаторские качества.

Именно занятия культуризмом послужили в начале 1980-х годов сплачивающим фактором для местной молодежи: "Когда мы начали проводить соревнования по атлетизму, то стали уже как-то объединяться, драк между собой стало меньше. Потому что все уже между собой познакомились, начали общаться, появились общие интересы – спортивные. Кто посильнее, тем надо стремиться к соревнованиям, кто по-

слабее – драться ездят. И здесь начали не столько драться, сколько конкретно заниматься спортом" (К.А.).

Еще одним организационным и деятельностным ресурсом, сплотившим субкультуру, были совместные поездки, в частности в Москву.

Люберцы – город-спутник Москвы; дорога от центра одного города до центра другого занимает всего около часа. В этих условиях люберецкие юноши оказались перед огромным выбором возможностей, предоставляемых Москвой, и прежде всего возможностей проведения досуга. Начало набегов на Москву многими связывалось (и, отчасти, справедливо) с недостаточно высоким уровнем организации досуга в Люберцах ("Ты пришел на полтора часа в кино, а дальше что? Полтора часа ждать, пока начнется дискотка? За это время успевали доехать до Москвы". – А.Е.). Однако как бы хорошо ни был развит досуг в Люберцах, возможности, предоставляемые мегаполисом, все равно были неизмеримо больше, что стимулировало тягу к поездкам. Причем поездки эти иногда мотивировались совершенно "по-детски": "На остановке нас собирается девятнадцать человек. До станции дойти – ерунда. Мы – с гитарами, песни попели и собирались, например, поехать на Казанский вокзал. Зачем? Сходить в туалет (просто вот сходить в туалет), попеть песни в электричке" (А.Е.).

Необходимо учитывать, что, отираясь в полное приключений путешествие в Москву, люберецкие оказывались в пространстве, где также действовали многочисленные уличные компании. И с этими компаниями возникали конфликты, причем провоцируемые не только люберецкими, но и москвичами ("никто хулиганить-то не ехал, но если кого-то из наших цспляли – то да". – А.Е.). Так, в начале 1980-х годов среди подростков 11–13 лет были популярны поездки на международные выставки, где выменивались, выпрашивались и воровались импортные наклейки, значки, авто-ручки, полиэтиленовые пакеты и прочие мальчишеские "ценности". На выходе с выставки люберецкие зачастую подвергались нападению юных москвичей, желающих отнять добычу. Ввиду этого поездки на выставку были коллективными; так выработывались навыки совместных действий на чужой территории.

Опасные поездки в Москву были мощным сплачивающим фактором, если учесть, что в одной и той же группе оказывались подростки и юноши из разных люберецких районов (каждый из участников компании, составленной по месту проживания, мог взять с собой товарищей по учебе, работе, тренировкам). Порой конфликты между москвичами и люберецкими имели многоэтапное продолжение (как часто бывает при межгрупповых молодежных конфликтах): обиженный приводил мстить своих товарищей, затем товарищей приводил обидчик и т.д.; частное столкновение перерастало в коллективную драку или же в серию драк. Информантами отмечалось, что если в группе, изначально подвергшейся нападению, были молодые люди из разных микрорайонов, то и группа мстителей оказывалась больше (каждый приводил своих) (А.Е., Н.А.). Совместное участие в подобных конфликтах (предполагающих восстановление справедливости и "борьбу за правое дело") опять же сплачивало люберецкую молодежь, способствовало возникновению и укреплению дружеских связей.

При рассмотрении различных молодежных сообществ часто можно увидеть схожую ситуацию: противоборствующие группы прекращают конфликт и объединяются, если появляется некая третья сторона, выступающая в качестве противника по отношению к первым двум². Такая ситуация наблюдалась и в нашем случае – люберецкие группы прекратили конфликты и объединились, переключившись на освоение обширных пространств Москвы; противником, способствовавшим объединению люберецких, стала молодежь из Москвы и городов Подмосковья.

В целом уличные люберецкие компании начала 1980-х годов мало чем отличались от аналогичных компаний по всему Советскому Союзу. Однако, как уже отмечалось, специфичность им придавали два фактора – местная спортивная традиция и

близость мегаполиса с его большими возможностями. Благодаря этим активным ресурсам (обеспеченным, в свою очередь, рядом других перечисленных выше ресурсов), разрозненные молодежные компании складывались в субкультуру. Вскоре оказался задействован еще один ресурс – идеологический...

Этап второй: апрель 1982 – декабрь 1986 г. Как уже отмечалось в начале статьи, первая половина 1980-х годов была временем кризиса социалистической системы. Именно кризисные процессы стали одной из причин возникновения у уличной люберецкой молодежи специфической идеологии. Одной из составляющих кризиса было разрушение коммунистической идеологии и, как следствие, активизация групп, придерживающихся идеологий, отличных от коммунистической или даже антагонистичных ей. Одной из таких групп стали неонацисты (Чарный 2004). Крайне немногочисленные, неактивные и экстравагантные, они, тем не менее, выглядели в советской действительности очень вызывающе. 20 апреля 1979 и 1981 гг. в Москве, на площади Пушкина, произошли выступления неонацистских групп, приуроченные ко дню рождения Гитлера (Там же: 75–78). В 1982 г. также ждали выступлений; в частности, информация об этом доводилась учителями до сведения школьников с тем, чтобы они не вздумали выйти в назначенный день на площадь. Конечно, такая неумелая "агитация" достигала противоположного эффекта. Так, в назначенный день группа люберецких юношей отправилась восстанавливать справедливость: «Мы приехали на Пушкинскую. Здесь к нам подошел человек в штатском, как потом выяснилось, подполковник МВД. Сказал: "Сейчас соберутся пацифисты, соберутся нацисты. Ребята, надо разогнать". Нас было человек семьдесят, ну, около ста, не больше. Мы за углом встали. Вот как он сказал: "Скорая помощь" пройдет – можете начинать. Пожарка пройдет – закругляйтесь, разбегайтесь. Ну, когда "Скорая помощь" прошла – началось. А пожарку мы никто уже не видели и не слышали. Кто-то что-то закричал: "Все, машина прошла, расходимся". Какой там "расходимся"! Дрались, пока всю драку ОМОН не оцепил (ну тогда не ОМОН был, а просто милиция), пока в автобус не стали всех кидать. А одному из наших сказали: "Так, ты стой у автобуса, своих отбирай"» (А.Е.).

Выходивший в Мюнхене журнал "Вести из СССР" описывал демонстрацию так: «20 апреля в день рождения Гитлера в Москве группа молодежи пыталась провести "фашистскую" демонстрацию. В этот вечер на пл. Пушкина собралась довольно большая группа молодых людей: с одной стороны "фашисты", коротко остриженные, в черных рубашках, некоторые со значками свастики; с другой – толпа "болельщиков" различных хоккейных и футбольных команд. О предпологаемой "фашистской" демонстрации было известно заранее... По сообщению очевидцев, "демонстрация" не успела начаться, как между "фашистами" и "болельщиками" завязалась драка, привлекая внимание прохожих. Милиция долгое время не вмешивалась, наблюдая за происходящим со стороны. В конце концов, милиция задержала некоторое число "фашистов" и "болельщиков"» (Вести... 1982).

События 20 апреля 1982 г. сыграли свою роль – деятельность люберецких подростков и юношей обрела идеологическую базу: «В принципе, все движение люберецких началось из-за дня рождения Гитлера. Это оказалось почвой для дальнейшего развития. Была дана идея, и идея – что надо. Мы оказались молодежной группировкой против фашизма. Об этом, кстати, писали в "Правде" и, по-моему, где-то еще: что нормальная прогрессивная молодежь против отмечаний дня рождения Гитлера. Там, конечно, не было написано конкретно про Люберцы, но можно было понять так, что и про нас. Так появилась конкретная цель. И тут же сразу стали улица на улицу объединяться: "давайте в Москву поедем, давайте там это"» (А.Е.).

Разгон на Пушкинской площади оказался событием, несущим высокий моральный заряд. Была задана высокая планка справедливой "борьбы за идею". Эта борьба

была одобрена обществом и (через упомянутую выше публикацию в прессе) властью.

Начиная с апреля 1982 г. определенный слой люберецкой молодежи начал расценивать свои поездки как специфическую "борьбу за идею", которая фактически сводилась к борьбе с той молодежью, которая "позорит советский образ жизни": "Идея была в том, что не должно быть ни пацифистов, ни нацистов, ни кого-то еще подобных. Мы воспринимали все так: вот мы ведем здоровый образ жизни, качаемся, спортом занимаемся, а кто-то там с цепями ходит, лозунги какие-то выкрикивает – все это казалось нам... ну, неестественно. И потом, нас всему этому и комсомол, и пионерия учили. Мы – за идею шли. Мы не шли ради денег, как позже молодежь, которая стала бандитами" (А.Е.).

В данном высказывании наш информант указывает на идеологический ресурс, служивший базой для субкультурной деятельности – традиционные для советского общественного сознания установки на нетолерантность ("все это казалось нам неестественно") и идеологическую выдержанность ("нас этому и комсомол, и пионерия учили"). Неправильным было бы считать всех "неформалов" "борцами против системы", но, несомненно, их появление служило показателем кризисности советского общества (в том идеологически однородном виде, как оно существовало до сих пор). Люберецкие юноши, начавшие борьбу с "неформалами", выступали как консерваторы, поддерживавшие устоявшиеся идеалы и системы ценностей. Вряд ли можно сказать, что их деятельность вела к стабилизации общества, но их позиция, предполагающая возврат к старым советским ценностям, несомненно, имела антикризисный вектор. В одной из отечественных публикаций приводится мнение корреспондента "Таймс" К. Уокера, считающего люберов "ударным отрядом консервативных сил, стремящихся усилить ограничения в культурной сфере и противодействовать диссидентам" (Овчинский 1991: 252).

Еще одним ресурсом, поддерживающим деятельность люберецких юношей, было доброжелательное отношение к ним со стороны большей части общества. Не случайно в середине 1980-х годов их иногда воспринимали как активных "комсомольцев": "Учась в (Ленинградском) университете, я слышала, что в Москве комсомольцы объединяются в группы, чтобы бороться со всякими неформалами. Уже потом, спустя много времени, я поняла, что речь шла о люберах" (Г.А.).

Более того, сами "неформалы", подвергнувшись репрессиям со стороны люберецких, одно время считали их официально организованными оперотрядами (что вызывало дополнительный страх). Говорили, что люберецкие носят значки с изображением В.И. Ленина (никто из наших информантов – бывших люберов – этого расхожего мнения не подтвердил).

Нам встречались упоминания и о доброжелательном отношении к юным хулиганам милиции. Это не удивительно, если учесть, что милиция в те годы также боролась с "неформалами"; получалось, что любера помогали ей в работе. Так, один из информантов, рассказав о насильственном острижении панков (первая половина 1980-х годов), отметил: "Самое интересное, что милиция стоит за углом. Мы машину милицейскую видим за углом. Милиция это постоянно поощряла, никогда нам не мешали" (А.Е.). Крепкие парни из пригорода казались стражам порядка более "социально близкими", чем "неформалы"; как сказано в одной из публикаций, «непривычный и даже жутковатый внешний вид панков-металлистов вызывал у работающих в столице по лимиту сельских пацанов-милиционеров большую неприязнь и настороженность, чем более привычные "пацанские" расклады люберов» (Виталис 2003).

Борьба люберов "за идею" опиралась на достаточно долгую и последовательную традицию борьбы с молодежной "неформальностью". В 1991 г. один из исследователей писал: «Началом современного этапа ее ("борьбы за идею") развития можно

считать деятельность групп 50-х – начала 60-х годов, боровшихся с молодежной преступностью, а заодно (впоследствии – главным образом) со "стилягами" и прочей "плесенью". В конце 70-х "кулачная борьба за идею" возродилась в деятельности отряда "Березка", быстро переродившейся в преступную, которая прикрывалась флагом "борьбы с хиппи и другими проводниками буржуазной морали". Данная форма агрессивной самодеятельности еще более заметно проявила себя в 80-е годы. Группы "чистильщиков", "дворников", "ремонтников" активно "боролись" с хиппи, панками и "прочими волосатиками"» (Сундиев 1991: 50).

Таким образом, люберецкие уличные юноши оказались достаточно органично включены в "борьбу за идею", сводящуюся к преследованию тех, кто исповедовал чуждую идеологию, был носителем чуждой символики. Не жаловали и тех, кто следовал чуждым стереотипам поведения; так, дрались со спортивными болельщиками, порицая их за излишнее буйство: "Они идут, ломают, допустим, палатки какие-нибудь, киоск газетные. А мы допустим... толпа такая, человек сто с лишним на сто с лишним – драка. То есть порядок наводили опять же" (Ш.А.). Нам встречалась информация, что гонениям подвергались и этнические инородцы ("молдаване, азербайджанцы, таджики всякие". – А.Е.); впрочем, большинство информантов это отрицало, утверждая, что этническая нетерпимость им была чужда.

Говоря о мотивации люберецких, выезжающих в Москву, необходимо отметить, что "идейных" среди них было не так уж много; по нашим подсчетам – около трети. Остальные "не заморачивались" идейной борьбой и вели образ жизни, типичный для молодых людей: занимались спортом, ходили на дискотеки, в парки, в кино, вступали в конфликты с другими молодежными компаниями (иногда являясь агрессорами, иногда – объектами агрессии). В описаниях поездок в Москву в обилии присутствуют упоминания девушек, с которыми люберецкие, как это и свойственно молодым людям, стремились знакомиться (иногда успешно). Многие конфликты, в том числе некоторые драки с "неформалами", начинались "из-за девчонки", что позволяет переводить эти конфликты из сферы "борьбы за идею" в сферу обычных молодежных разборок, связанных с поисковой сексуальной деятельностью. Так, в эти годы происходил длительный многоэтапный конфликт с молодежью г. Долгопрудного. "Война" началась из-за юной жительницы Люберец и включала в себя неоднократные набеги одной противоборствующей стороны на территорию другой и закончилась примирением и братанием на пустыре близ люберецкой ул. Побратимов. В конфликте с долгопрудненскими нет ничего "идейного" – обычные молодежные разборки; подобное могло произойти в любом городе Советского Союза.

Агрессивность люберецких регламентировалась своеобразным неписаным "кодексом чести". Важнейшим положением "кодекса" было заступничество за своих: «Твоя команда за тебя должна заступиться, должна. Не дай бог кто-то тебя обидел, если вдруг что-то случилось – ты придешь: "Б., ребята, меня тут вчера вот такие-такие-то! Давайте поедem, с ними разберемcя"» (И.Э.). Многие положения "кодекса" содержали ограничения на насилие. Так, нельзя было бить ни девушек, ни младших по возрасту. Считалось недопустимым нападать на парня, находящегося в компании девушки. Запрещалось использовать в драке оружие ("люберецкие никогда ничего не брали с собой. Будь мужиком. Вот кулаком – ударь кулаком". – А.Е.). Вообще, считалось достойным если и вступать в конфликт, то с противником, примерно равным по силе: "На танцах, если ты пришел с девушкой один – в углу или, там, в центре танцуешь – то тебя никто никогда не тронет. Пусть ты хачик, пусть брейкер, пусть. Тебя никто никогда не тронет, если ты один. Но если, извините, ты не один, ты с друзьями, вас толпа и вы отдыхаете, и мы приехали толпой, то..." (А.Е.). Люберецкие, говоря научным языком, рассматривали свою деятельность в контексте молодежного дискурса. В качестве противников по драке они предполагали прежде

всего своих ровесников – либо "неформалов", либо такую же уличную молодежь из Москвы или Подмосковья: "Простых людей на улице никогда не трогали никого. Никогда не было, что просто взяли и кого-нибудь избили. Если дрались, то с какой-нибудь целью, специально приезжали, имея цель. А так – никого не трогали" (Ш.А.).

Данный "кодекс чести" был достаточно типичен для советских уличных компаний. По крайней мере, его положения неоднократно упоминали наши информанты из разных регионов СССР. Для уличных групп "кодекс чести" выступал действенным консолидирующим фактором, поскольку декларировал сплоченность и взаимовыручку. Важно отметить, что "кодекс чести" транслировал ценности, типичные для советской этики спорта (благородство и честность состязания, командный коллективизм); можно сказать, что в Люберцах он сформировался как следствие одной из "констант" субкультуры – интереса к спорту.

В 1982–1986 гг. развитие в Люберцах культуризма продолжалось. Множилось число подвальных секций, атлетизм как вид спорта становился все более массовым. Многие из опрошенных нами считали, что культуризм в городе и районе возник именно в начале 1980-х годов. Движение перешло на более высокий качественный уровень – начались организованные выступления и соревнования культуристов: "По два раза в год проводили – по атлетизму, по бодибилдингу. Еще по силовому двоеборью – приседание, жим лежа. Никем официально это не организовывалось – самостоятельно все проводили. Покупали грамоты, медали..." (К.А.).

В эти годы широкую популярность приобрел еще один субкультурный локус – затопленные песчаные карьеры, популярное место летнего отдыха. Здесь юные культуристы собирались загорать, купаться, а заодно и демонстрировать себя; как следствие, "летом на люберецких пляжах рябило в глазах от обладателей внушительной мускулатуры" (Любер 2001). Нам рассказывали, как на песчаной косе одного из карьеров качки играли в "конный бой" – по 50 человек с каждой стороны. Выбор пляжей как мест для тусовок в значительной мере обусловлен культуризмом как субкультурной деятельностью, ведь "на пляже сразу видно, кто накачанные ребята" (К.А.).

В указанные годы усилилась тенденция к использованию при накачивании мышц химических средств. Первоначально набор "химии" был невелик; среди популярных средств – сухое детское питание, соевый изолят для откорма свиней и малопривлекательный "люберецкий коктейль" ("на кружку пива три яйца били, клали пакет протеина и нагоняли массу". – А.Е.). Впоследствии перечень средств значительно расширился. На настоящий момент "химические" практики в отечественном и мировом культуризме распространены очень широко.

К первой половине 1980-х годов относится появление у люберецкой молодежи субкультурной символики. В частности, был создан собственный гимн, начинающийся словами: "Родились мы и выросли в Люберцах, / Центре грубой физической силы, / И мы верим: мечта наша сбудется – / Станут Люберцы центром России". Позже, в 1986–1987 гг., возникла и собственная эмблема. В начале 1980-х годов наблюдался общий стиль в одежде – она подбиралась из соображений удобства в драке и в поездке: летом – спортивная одежда и обувь, зимой – телогрейки (такая одежда вследствие своей функциональности была типична для советских уличных компаний). Во время драки, чтобы отличать своих, иногда надевали однотипные вязаные шапочки (иногда даже летом) и повязывали шарфы поверх воротника, концами за спину. Стиль одежды, опять же, транслировал "константы" движения люберов – в нем проявлялись "спортивность" и удобство для поездок. Не исключено, что и самоназвание "любера" возникло как форма, удобная для выкрикивания в драке (чтобы созывать своих).

К 1984–1985 гг. численность люберов выросла, а деятельность активизировалась. Движение "борцов за идею" значительно разрослось и зарекомендовало себя в криминальных сводках. Появилась и новая тенденция: если в первой трети 1980-х годов набеги на Москву совершали только люберецкие, то к 1985 г. той же деятельностью стали заниматься и молодые люди из других подмосковных городов.

Примерно в это время изменилось и отношение к люберецким со стороны милиции. Чувствуя, что ситуация стала выходить из-под контроля, милиция заняла более жесткую позицию. После особенно ярких "подвигов" в люберецких школах и училищах происходили проверки; одной из улик были сбитые костяшки пальцев (следы драк).

К годам "перестройки" любера подошли как субкультура, поступательно развивающаяся при привлечении определенных стабильных ресурсов. Впереди субкультуру ждал скачок, обусловленный привлечением ресурсов новых, привнесенных демократизацией и гласностью.

Этап третий: декабрь 1986 – конец 1988 г. До 1985 г. включительно деятельность люберов в средствах массовой информации не освещалась никак. Это и не удивительно – пресса, радио и телевидение тех лет вообще игнорировали факты, не укладывавшиеся в стандартные каноны освещения советской действительности. С началом "перестройки" ситуация изменилась, и в период с июня по декабрь 1986 г. девиантное поведение уличных люберецких компаний упоминалось в прессе, как минимум, 5 раз (СР1 1986; СР2 1986; Радов 1986; Щекочихин 1986; Утицын 1986), причем дважды (в статьях Щекочихина и Утицына) люберецкие были названы "люберами".

С декабря 1986 г. по февраль 1987 г. люберам были посвящены три крупных публикации: письмо юноши из Люберец в "Комсомольской правде" (КП1 1986), а также статьи в "Огоньке" (Яковлев 1987) и "Собеседнике" (Куприянов 1987), написанные в результате совместного журналистского расследования. Данные статьи вывели субкультуру на новый уровень: прежде это были всего лишь молодежные группы, объединенные общей деятельностью и символикой. С зимы 1986/1987 г. любера стали "официально признанным" "неформальным движением" с канонизированным через прессу самоназванием (ранее слово "любер" было распространено не так уж и широко), униформой, специфичной деятельностью.

Все три перечисленные статьи в той или иной степени носят отпечаток стиля, впоследствии в просторечии получившего название "чернухи". Когда, листая "Комсомольскую правду", "Огонек", "Собеседник", познакомишься с этими публикациями, видишь, насколько они выпадают из общего контекста: большинство материалов того времени подавалось в "кондовой" стилистике советской прессы, а статьи про люберов написаны уже в "чернушном" стиле 1990-х годов. Эта совместная журналистская акция была для того времени новаторской, что способствовало ее успеху. В конце 1986 – начале 1987 г. "чернуха" была еще в новинку и вызвала у читателей самый живой интерес. Спустя несколько лет данные публикации потерялись бы в потоке аналогичных, но в тот момент они потрясли умы читателей и получили мощный общественный резонанс.

Большинство жителей Люберец о существовании люберов узнало из прессы. Как правило, реакция на публикации была негативной, журналисты обвинялись в предвзятости, очернительстве и любви к "жареным" фактам. Многие наши информанты и сейчас уверены, что "было не столько много люберов, сколько шума о них" (Б.А.).

Вместе с тем для части подростков и юношей (это относится, прежде всего, к уличной молодежи) статьи послужили инструкцией к действию. Так, в "Огоньке" была описана "униформа" люберов: широкие клетчатые брюки, куртки, кепки, белые рубашки и узкие черные галстуки. И действительно, одетая таким образом мо-

людежь вскоре (именно после публикаций) появилась на улицах в большом количестве. Повысилась массовость выездов в Москву; если некоторые активные любера старшего возраста называли максимальной численность групп в 150 человек, то милицейская сводка за 14 февраля 1987 г. зафиксировала группу около 600 человек (Овчинский 1991: 255). Еще больший интерес стал проявляться к культуризму: "Такая вот вспыхнула идея в пацанской среде. Все сразу заговорили, что не просто так, а что вот Люберцы, а вот что любера, а что вот е-мое. Тут же народ пошел в качалки, про которые до этого не знал ни фига. Все пошли в качалки, потому что возникла идея. Быть пацаном в Люберцах и не заниматься в качалке – стало почти что западло" (В.В.).

Показательны воспоминания девушки, чья учеба в старших классах пришлась на 1986–1988 гг.: «Тема люберов у нас была очень популярна. В те времена это было новым, модным, это витало в воздухе. Любера и люберство были темой наших бесед – ведь нужно было о чем-то говорить. Гордились, что наш город так прославился. Многие – и парни, и девушки – носили клетчатые брюки; у меня клетчатые брючки тоже были. Однако дальше "общего треп" и ношения клетчатых брюк мы в нашем "люберстве" не продвинулись. Наши парни в качалки не ходили и вообще спортом не занимались» (П.Т.). В конце 1990-х годов в некоторых молодежных субкультурах появилось слово "модник", обозначающее тех, кто следует исключительно внешней символике субкультуры, пренебрегая ее идейным наполнением. Именно "модниками" можно было бы назвать и героев приведенного выше высказывания; старшеклассники находились на границе субкультуры – они носили "клетчатые брючки" и использовали "люберство" как тему для повседневных разговоров, но не более того. Нам известны случаи, когда молодые люди, следуя моде на люберов, организовывали качалки, но до выездов в Москву дело не доходило ("собирались, собирались, но то дела, то что-то еще". – В.В.).

Любера стали объектами общественного сознания, они получили известность далеко за пределами московского региона: «В 1987 г. в "Огоньке" первая статья была. Я тогда учился в военном училище – меня все время: "У тебя есть клетчатые брюки или нет клетчатых брюк?"» (А.Е.). Любера стали героями прессы и телепередач, художественных фильмов и рок-песен, прозы и стихов. На события откликнулись не только отечественные, но и западные СМИ. О том, что известность люберов была спровоцирована масс-медиа, говорит тот факт, что один из наших информантов, коренной житель Люберец (Б.С.), впервые услышал упоминавшийся выше субкультурный "Гимн Люберец" на спортивных сборах в Пятигорске от иногородних подростков (при том, что о существовании гимна не знали даже некоторые из опрошенных нами активных люберов).

На волне ажиотажа люберами стали называть себя молодые люди из разных подмосковных городов, и даже москвичи. Слово "любер" стало обозначать не жителя Люберец, а представителя определенного субкультурного стиля, независимо от места его проживания. Группы, аналогичные люберецким, начали появляться и в других городах Советского Союза (см., напр.: КП2 1987).

Взлет интереса к люберам в конце 1986 – начале 1987 г. произошел в соответствии с механизмом возникновения "панических настроений", описанным социологом С. Коэном (Cohen 1972). По Коэну, средства массовой информации способны формировать "панические настроения" – общественные фобии, боязнь тех или иных социальных угроз. При этом различным социальным группам может придаваться гипертрофированно негативное значение (они становятся "демонами улиц"). "Моральные паники" имеют и механизм обратного действия – они не только пугают общество "демонами улиц", но и создают рекламу этим самым "демонам", обеспечивая приток в разрекламированные сообщества новых участников. Именно в СМИ часто создается канон субкультурного имиджа, которому затем следуют неофиты.

С. Коэн писал: "Особая роль принадлежит масс-медиа в определении и формировании социальных проблем. Медиа выступают агентом панических настроений, даже если они сами этого не признают, их способ предоставления определенных фактов может быть достаточен для возникновения негодования, беспокойства или паники. Когда подобные чувства накладываются на общественные ощущения того, что некоторые ценности нуждаются в защите, существуют реальные условия для создания новых социальных правил или определения социальной проблемы... Масс-медиа... могут создавать некоторые социальные проблемы быстро и драматично... Внимание журналистов, репортеров и фотографов может стимулировать новые действия молодежи" (Коэн 2000: 167).

Как видно из приведенного высказывания, "панические настроения" имеют место тогда, когда общество к ним готово, когда наличествует повышенная общественная тревожность, социальное ожидание того или иного события, когда объект "панических настроений" вызывает общественный интерес, смешанный с опасением.

Что же послужило почвой для столь успешной "раскрутки" люберов? Чем был обусловлен общественный интерес к ним? Для ответа на этот вопрос снова нужно обратиться к истории общественных процессов тех лет.

Первая причина "популярности" люберов – в общем росте активности "неформальных" объединений молодежи, в своеобразной моде на "неформальность".

С началом "перестройки" общество начало отходить от тоталитарных стереотипов и интенсивно осваивать новые социальные реалии. Темы, на обсуждении которых раньше лежал запрет, постепенно становились предметом общественного осмысления. Публикация ранее закрытой информации зачастую стимулировала мощный общественный резонанс. Одним из "открытий" начала "перестройки" было наличие в Советском Союзе "неформальных объединений молодежи" и молодежной контркультуры. В короткие сроки в стране значительно увеличилось количество "неформальных" объединений. Согласно авторитетным исследованиям, на конец 1980-х годов количество активных "неформалов" составило 10–13% от общего числа молодежи (По неписаным... 1991: 4). Быть "неформалом" стало модно.

Любера оказались вписаны в общую моду на "неформальность". Они оказались одной из колоритнейших субкультур, вовлеченных в поле взаимодействия молодежных сообществ.

При внимательном рассмотрении событий данного периода видно, что люберецкие со своими набегами на Москву уже не являлись однозначными агрессорами; скорее, речь шла о конфронтации двух примерно равных сил: с одной стороны те, кто идентифицирует себя как "любера" (независимо от их реального места жительства), с другой – их противники. Московская молодежь интенсивно объединялась для борьбы с агрессором. Из "неформалов" наиболее слаженный отпор организовали металлисты – субкультура, поддерживающая имидж брутальной маскулинности; именно они чаще всего упоминаются как активные участники драк. Среди московской молодежи распространялось "Обращение" металлистов: "Все больше и больше москвичей становятся жертвами распоясавшихся люберов. Все больше ни в чем не повинных людей страдает от бесчинства люберецких вандалов, пользующихся разобщенностью между молодежными движениями... В связи со сложившимся положением мы предлагаем прекратить всякие междоусобные драки, чтобы все силы направить на люберов... Пусть сама земля горит под ногами люберов!" (цит. по: Овчинский 1991: 255–256).

В ПТУ и школах расклеивались воззвания, призывающие в определенное время собираться на драки с люберами. В назначенные дни Москва превращалась в поле передвижения многочисленных молодежных групп, которые через милицейские кордоны стягивались к местам столкновений, самым популярным из которых был

Парк культуры и отдыха им. Горького. Из милицейской сводки за 22 февраля 1987 г.: «Около 18.00 также наблюдались скопления молодежи общим количеством свыше 1000 человек, которые прибывали в ЦПКиО им. Горького с целью "выяснения отношений". Часть из них были приезжими из Люберец. В дальнейшем указанные группы молодежи следовали по Крымскому мосту к Калининскому проспекту, ул. Арбат, Чайковского и др. в направлении Центра, часть из них появилась на Зубовском бульваре и ул. Горького. В отделение милиции было доставлено 195 подростков, в том числе 28 жителей Люберец» (цит. по: *Овчинский* 1991: 256–257). Как видно из приведенных здесь цифр, жители Люберец в общем числе "уличных хулиганов" составили всего около 15%; остальными были те, кто маскировался под люберов или же выступал против них³.

Как мы видим, в московской молодежной среде сработал уже упоминавшийся нами социальный механизм: молодежные группы объединились для того, чтобы противостоять общему противнику. Как уличные люберецкие компании в начале 1980-х годов забыли противоречия с тем, чтобы ездить в Москву, так и москвичи в 1987 г. объединились, чтобы противостоять "люберецкой" угрозе.

Примечательно, что появление люберов стимулировало интеграционные процессы даже вдалеке от Москвы. Из интервью, сделанных Т.Б. Щепанской в 1986–1989 гг., можно почерпнуть информацию об отношении к люберам ленинградской "неформальной" тусовки. Их появление стимулировало "неформалов" к сплочению, к противодействию: "Отношения между разными течениями были сложные: битломаны против металлистов, металлисты против брейкеров, брейкера с битломанами враждовали. А любера пришли – они всех помирили. Когда появились любера, всем вместе плохо пришлось..." (*Щепанская* 1993: 198). Летом 1987 г. в Ленинграде прошел слух, что скоро московские любера совершат сюда набег. Надвигающаяся опасность оказалась на местных неформалов консолидирующее влияние: «"Когда сюда приезжали люберы, то собралась такая общая тусовка, очень дружная, защищали что-то общее, хотя бы сам город...". Там были и металлисты, и панки, и даже миролюбивые волосатые проявили готовность отразить агрессоров» (Там же: 209–210).

Второй причиной интереса общества к люберам на определенном этапе была актуальность их идеологии. Реформаторский пафос первых лет "перестройки" предполагал не отход от коммунистической идеологии, а, наоборот, возвращение к первоначальному, не замутненному и не скомпрометированному коммунистическим идеалам. Деятельность люберов, также направленная на утверждение идеализированных консервативных ценностей, вполне укладывалась в данный стереотип общественного сознания. Из-за этого у определенной части общества любера продолжали пользоваться одобрением. Другая же часть, напротив, видела в них консервативную угрозу (вспомним, как "неформалы" принимали люберов за комсомольские оперотряды). Так или иначе, и те, и другие имели точки дискуссионного соприкосновения с проблемой идеалов "советского образа жизни"; "идея" люберов оказалась актуальной и злободневной для социально-политического дискурса тех лет.

Третьей причиной возникновения "панических настроений" была одна из общественных фобий тех лет – ожидание "красного реванша", реставрации советского тоталитаризма с жесткими репрессиями тех, кто успел проявить себя за годы "перестройки". Особенно сильным этот страх был в крупных городах, в частности в Москве, где перестроечные процессы вообще были более заметны и значимы. Ожидая возвращения старых порядков, ожидали и появления социальной группы, которая эти порядки будет насаждать. На роль такой группы и прочили молодежные группировки люберов, направленные на борьбу с инакомыслием. В качестве исторических аналогов называли бригады штурмовиков в Германии 1930-х и китайских хунвейбинов 1960–1970-х годов. Типичным было сопоставление люберства с фашиз-

мом (см., напр.: *Осин* 1989: 78–79 и др.). Примером подобного осмысления люберов может быть текст песни рок-группы "Разные люди" (1987 или 1988 г.): "Бей правой, любер! / Ты правый, правый! / И наша страна тебя очень любит, / Но я-то вижу тебя насквозь: / Красная свастика – это всерьез! / ... Эй, дядя, как ты можешь махать рукой / И говорить миру про коммунизм, / Когда за твоей широкой спиной / Поднимает голову красный фашизм!" В песне речь идет и о фашиствующих молодчиках люберах, и о некоем покровительствующем им "дяде в сером кителе", который "рад работе красных штурмовичков".

Как нам кажется, именно фобия "красного реванша" послужила причиной для возникновения устойчивого (некоторые придерживаются его и сейчас) мнения, что движение люберов было организовано КГБ. Нам эта версия кажется маловероятной хотя бы потому, что формирование, развитие и угасание данной субкультуры вполне укладывалось в логику общественных процессов тех лет.

О склонности общества к созданию из люберов "демонов улиц" говорит тот факт, что внешние наблюдатели и сами бывшие любера описывали субкультуру по-разному. Внешние наблюдатели делали упор на идеологическую агрессивность люберецких юношей в межгрупповом молодежном дискурсе, выделяя черты, актуальные для "панического настроения" в обществе (см., напр.: *Лукс* 1998: 92–93). Любера, напротив, были склонны рассказывать о повседневных занятиях культуризмом, как об основном виде субкультурной деятельности.

Рассматривая деятельность люберов в годы перестройки, отметим, что при численном росте движения и его общественной "раскрутке" внутри субкультуры наблюдались негативные процессы. Перечитывая статью в "Огоньке", мы обнаружили, что она противоречит высказываниям люберов первой половины 1980-х годов в том, что касается "кодекса чести". В частности, в статье утверждалось, что любера предпочитают нападать на более слабого противника ("нападают "люберы" только тогда, когда имеют большое и безусловное численное превосходство. Трое – на одного. Десятеро – на троих"); и проявляют агрессию против девушек ("они девушек очень сильно бьют, потому что девушки не могут защищаться"). Можно было бы отнестись данную информацию к числу журналистских вольностей, которых в статье из "Огонька", к сожалению, много. Не исключено, что в дальнейшем облике субкультуры "негативные" детали закрепились благодаря статье. Однако, сравнивая люберецкий материал с данными из других городов, можно утверждать, что деградация уличного "кодекса чести" в 1980-х годы была "естественным" процессом (такая деградация наблюдалась повсеместно).

Примечательно, что любера "старшего" поколения скептически относились к поколению 1986–1988 гг.: «Ездили, блин, штаны в клеточку, помнишь? Ездили там типа "мы из Люберец" – утверждаться в Москву» (*И.Э.*). «Я этих, которые "сшей мне, мама, клетчатые брюки", не очень уважаю» (*Ш.А.*). "Старшими" отмечалась деградация уличных традиций: «У нас в основном поначалу-то ездили спортсмены все. Могли собраться там двадцать человек, и тридцать – поехать бить каких-нибудь панков: их сто, а нас двадцать. А потом уже – когда я служил в армии, – ездили эти, типа "вдесятером одного не боимся", чем больше куча, тем лучше» (*Ш.А.*). Значительно участились случаи спекуляции "идеологически вредными" вещами, отнятыми у "неформалов". По мнению "старших", постепенно деградировали и традиции спортивных занятий: "Вообще было правило, например, в качалках не пить. Женщин в качалки не пускали. Потом появились женщины. Потом появилась водка. Потом я туда ушел" (*Н.А.*).

Подводя итоги, отметим, что в 1986–1988 гг. деятельность субкультуры люберов была связана с привлечением ряда новых, обусловленных перестройкой, ресурсов: социальным ресурсом была общественная мода на "неформальность", которая вела, с

одной стороны, к росту численности "неформальных" противников люберов, а, с другой – к формированию люберами собственной "неформальной" субкультуры; идеологическим ресурсом являлся интерес "раннеперестроечного" общества к "изначальным" коммунистическим ценностям, близким люберам; информационным ресурсом послужили публикации в прессе, "канонизировавшие" и разрекламировавшие субкультурные образы. Общественный резонанс этих публикаций был, в свою очередь, обусловлен совпадением ряда факторов: общественными фобиями, специфическим отношением к печатной информации, новаторством стилистики.

Однако время больших перемен в советском обществе постоянно изменяло структуру ресурсов, подпитывающих рассматриваемую нами субкультуру, и очень скоро им суждено было иссякнуть...

Этап четвертый: после 1988 г. После 1988 г. движение люберов довольно быстро сошло на нет. Ресурсы, которые обеспечивали функционирование субкультуры, иссякали: интенсивно теряла свой авторитет марксистско-ленинская идеология; соответственно, в обществе повышались толерантность, терпимость к инакомыслию, размывалось само понятие "идеологической чуждости" и исчезало обоснование для люберской "борьбы за идею"; изменялась структура досуга; развитие сети видеосалонов и мелких развлекательных заведений снижало дефицит досуговой деятельности, делало ее более разнообразной; девальвировались идеалы советского спорта и армейской службы; снижались престижность здорового образа жизни и общественный интерес к "неформалам"; в течение еще нескольких лет численность "неформальных" молодежных объединений была высокой, но пик моды уже прошел.

При исчерпании старых ресурсов, новых ресурсов не возникло. Например, не появилось субкультурного музыкального стиля – важного фактора, способствующего длительному воспроизводству молодежных сообществ (в качестве примеров можно назвать хиппи и гитарный рок 1960–1970-х, растаманов и реггей, скинхедов и Oi).

Ввиду сказанного выше, к концу 1980-х годов быть любером стало не актуально. Те, кто входил в субкультуру в период ее расцвета, повзрослели, а молодежь субкультурных традиций уже не поддерживала. Однако на этом история субкультуры не закончилась.

В стабильном обществе дальнейшая судьба бывших люберов была бы предсказуема. С возрастом они бы остепенились и в большинстве своем стали бы добропорядочными членами общества, вспоминая люберство как молодецкую забаву юности. Но интенсивные социальные изменения в обществе создали культурно-историческую ситуацию, при которой психологические качества и навыки, выработанные в ходе "люберской" деятельности, неожиданно оказались востребованными и социально ценными.

На тот момент Советский Союз, развивая рыночные отношения, постепенно входил в эпоху "дикого" капитализма. Вместе с появлением свободного бизнеса возникли и новые криминальные профессии – прежде всего рэкет. Вот тут и оказалось, что навыки, полученные в уличных молодежных группировках "люберского" типа, прекрасно подходят для освоения деятельности бандитов и рэкетиров. Способность к инструментальной агрессивности, навыки групповой деятельности в экстремальных ситуациях, физическая сила и ловкость – все это позволяло повзрослевшим люберам не просто зарабатывать, но зарабатывать много. Люберские компании оказались готовыми криминальными группами, только от нападений на "неформалов" они перешли к нападениям на предпринимателей.

Для рассматриваемого нами социального процесса в общих чертах актуальны положения, разрабатывавшиеся еще в 1920-е годы социологами чикагской школы: «Проблема маргинальности раскрывается... через соотношение "центра" и "периферии" в социокультурном пространстве города. С одной стороны, на периферии го-

родского пространства маргинальность соседствует с безвластием, бедностью и политическим вакуумом. С другой стороны, здесь происходит перераспределение власти и формируются новые формы контроля над городской жизнью и территорией, включая организованную преступность и терроризм. Противоречие между центром и периферией выражается и в проблеме соотношения "столичности" и "провинциальности" городской жизни» (*Ярская-Смирнова, Романов 2004: 213–214*). При этом важно отметить, что в советские времена данный механизм взаимодействия "центра" и "периферии" сглаживался за счет общей нивелировки общественной жизни (разница между богатыми и бедными слоями населения была невелика, практически отсутствовало районирование городских пространств по уровням доходов). Переход к новым, капиталистическим отношениям стимулировал новые виды социальной активности и способствовал перераспределению власти. Для включения в это перераспределение оказалась готова новая социально активная группа – молодые люди, прошедшие социализацию в условиях советских уличных сообществ.

Как мы видели, с начала 1980-х годов люберецкие уличные компании развивались с некоторым опережением по отношению к аналогичным компаниям из других городов. И в новую криминальную деятельность они также вошли одними из первых. Люберецкая преступная группировка была одной из сильнейших в московском регионе. Однако вскоре страну захлестнул период криминальных войн, и немалая часть боевиков, входящих в криминальные группы, была выбита.

Мы просили наших информантов подсчитать, сколько их товарищей – бывших люберов – не дожили до наших дней. Была названа доля потерь от 25 до 75%; в качестве основной причины гибели называли криминальные столкновения, далее шли наркомания, гибель в "горячих точках", гибель от несчастных случаев. "Люберская" возрастная когорта в социальных потрясениях 1990-х годов потеряла значительно больше, чем теряет армия в средней сложности боевых действиях (для сравнения: потери в Афганистане составили около 2% от общего числа проходивших там службу. – *Немировский 1990*). Не исключено, что со временем события 1990-х годов будут рассматривать как своеобразную гражданскую войну, сопровождавшую вхождение страны в новую систему общественно-экономических отношений. Из интервью: "У меня друзей вон много похоронено. Ну, не друзей, знакомых, товарищей. Одно время ездили мы на Пасху – на машине садились – и по кладбищам. Толку что, эти мыщцы – ничего не спасли" (*Ш.А.*). "Можно сходить на Люберецкое кладбище, на Новой Рязанке, и походить по новому полю, что ближе к дороге, посмотреть на могилы и даты жизни и смерти... только это совсем грустная история" (*Н.Н.*). "С-ов спился, но сейчас, вроде бы, более-менее. У него ребенок, и он держит себя в руках. Когда он начал пить – его выкинули из криминала. Я думаю, его вытащила жена" (*Н.А.*).

Субкультура люберов испытала на себе пафос и драматизм переломной эпохи 1980–1990-х годов. Трагизм этой субкультуры состоял в том, что возникла она как типичное молодежное сообщество, способствующее взрослению и социализации в рамках стабильного общества, однако из-за изменяющихся исторических условий участники субкультуры оказались ввергнуты в деятельность, принесшую многим из них гибель.

Такой же путь прошли и сверстники люберов – уличная молодежь из разных регионов Советского Союза. Стремительное изменение культурно-исторической ситуации привело к тому, что возрастная когорта молодых людей, чья юность пришлась на середину – вторую половину 1980-х годов, оказалась вовлечена в новые виды социальной активности, в том числе в организованную преступность и криминализованный бизнес.

На примере уличных молодежных компаний Люберец и Люберецкого р-на можно проследить, как бытование субкультуры детерминируется наличием комплекса ресурсов. Привлечение этих ресурсов способствовало возникновению и развитию субкультуры; исчезновение же ресурсов привело к ее скорому угасанию и переключению ее участников на другие виды деятельности.

Примечания

¹ Основу субкультуры составляли представители младшего юношеского возраста. Для простоты мы иногда будем называть участников рассматриваемых нами групп без возрастной детализации – молодежью, молодыми людьми, юношами.

² Например, в 1970-е – начале 1980-х годов в Казани спланирующим фактором была борьба против агрессивной группировки "Тяп-Ляп" (Молодежные... 1997: 77). Еще одним примером могут быть примирения спортивных фанатов во время выступления отечественных сборных против зарубежных команд.

³ Кстати, эта же сводка дает представление о социальном составе задержанных: "Учащихся ПТУ – 129, школ – 47, вузов – 6, средних специальных учебных заведений – 31, неработающих – 5" (Овчинский 1991: 257).

Литература

- Вести 1982 – Вести из СССР. № 11. (15.06.) 1982.
- Виталис 2003 – (Виталис В. и др.) Любера: как это было... // Хулиган. 2003. № 6 (15). Цит. по: www.xuligan.ru.
- Гузенко и др. 1987 – Гузенко Т., Прокофьев А., Михайлов Г. Чем они там занимаются? // Люберецкая правда. 1987. 21 февр.
- Коиен 2000 – Коиен С. Народные бесы и моральные паники: возникновение модов и рокеров // Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.
- КП 1986 – "А нас бояться..." // Комсомольская правда. 1986. № 284. 14 дек.
- КП 1987 – Полуночники // Комсомольская правда. 1987. 16 авг.
- Куприянов 1987 – Куприянов А. Люберцы – при свете фонарей // Собеседник. 1987. № 7 (156). С. 10–15.
- Лукс 1998 – Молодежь: структура и социальные проблемы (Материалы лекционного курса) / Сост. Г.А. Лукс. Самара, 1998.
- Любер 2001 – Доктор Любер. Секреты качалки // Качай мускулы. 2001. № 3. Цит. по: www.muscle-pump.ru.
- Маслов, Чулков 1987 – Маслов В., Чулков В. Стремитесь доблестью Отечество прославить // Люберецкая правда. 1987. 28 февр.
- Молодежные 1997 – Молодежные субкультуры / Исламшина Т.Г., Максимова О.А., Салагаев А.Л., Сергеев С.А., Хамзина Г.Р., Цейтлин Р.С. Казань, 1997.
- Немировский 1990 – Немировский В.Г. Эхо афганской войны // Социс. 1990. № 10. С. 95–109.
- Овчинский 1991 – Овчинский В.С. "Мама, я любера люблю..." // По неписанным законам улицы... М., 1991. С. 251–267.
- Осин 1989 – Осин А. Обречена на исчезновение // Даугава. 1989. № 2. С. 73–81.
- Петровский 1990 – Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- По неписаным... 1991 – По неписанным законам улицы... / Под ред. Ю.М. Хотченкова. М., 1991.
- Радов 1986 – Радов А. Дети Деточкина // Комсомольская правда. 1986. 17 окт.
- СР1 1986 – Верстова В. Подвиги от безделья // Советская Россия. 1986. 15 июня.
- СР2 1986 – Подвиги от безделья (Отзывы на публикацию от 15 июня 1986 г.) // Советская Россия. 1986. 18 июля.

- СС1 1969 – Репей в конфетной обертке // Советский спорт. 1969. 15 апр.
- СС2 1969 – Иванов Д. Троянский конь культуризма // Советский спорт. 1969. 28 сент.; 1969. 29 сент.
- Сундиев 1991 – Сундиев И.Ю. Анатомия неформальных объединений (типология и характеристика) // По неписаным законам улицы... С. 46–56.
- Утицын 1986 – Утицын О. Культуристы из подвалов. Слухи и реальность // Ленинское знамя. 1986. 14 дек.
- Чарный 2004 – Чарный С.А. Нацистские группы в СССР в 1950–1980-е годы // Неприкосновенный запас. 2004. № 5(37). С. 71–78.
- Щекочихин 1986 – Щекочихин Ю. На Перекрестке // Литературная газета. 1986. 22 окт.
- Щепанская 1993 – Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб., 1993.
- Яковлев 1987 – Яковлев В. Контора "люберов" // Огонек. 1987. № 5. С. 20–21.
- Ярская-Смирнова, Романов 2004 – Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Социальная антропология. Ростов н/Д., 2004.
- Cohen 1972 – Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. The creation of the Mods and Rockers. Oxford, 1972.
- Jenkins 1983 – Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements // Annual Review of Sociology. 1983. № 9. P. 527–553.

Список информантов

- А.Е. – А. Евгений Николаевич, 1967 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 21 ноября 2004 г.
- Б.А. – Б. Александр Дмитриевич. 1964 г. рожд. Пос. Октябрьский Люберецкого р-на Московской обл. Запись 30 апреля 2005 г.
- Б.С. – Б. Сергей Алексеевич, 1972 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 11 февраля 2005 г.
- В.В. – В. Вис, 1968 г. рожд. Г. Москва. Запись 5 сентября 2005 г.
- Г.А. – Г. Алла Витальевна, 1968 г. рожд. Г. Санкт-Петербург. Запись 1 апреля 2005 г.
- И.Э. – И. Эльдар Вагизович, 1967 г. рожд. Дер. Кожухово Люберецкого р-на Московской обл. Запись 2 января 2005 г.
- К.А. – К. Анатолий Сергеевич, 1950 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 25 июня 2005 г.
- Н.А. – Н. Алексей Андреевич, 1968 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 10 апреля 2005 г.
- П.Т. – П. Татьяна Владимировна, 1970 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 20 апреля 2005 г.
- Ш.А. – Ш. Алексей Алексеевич, 1968 г. рожд. Г. Люберцы Московской обл. Запись 10 декабря 2004 г.
- Магнитофонные записи всех интервью хранятся в архиве автора.